СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

Архитектура, градостроительство, дизайн

УДК 725.643

DOI 10.23968/1999-5571-2019-16-1-5-19

© Л. П. Лавров, д-р архит., профессор

© L. P. Lavrov, Dr. Arch., Professor

© Н. С. Новоходская, доцент

© N. S. Novokhodskaya, Associate Professor

(Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет)

(Saint Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering)

E-mail: leonid.lavrov@gmail.com,

E-mail: leonid.lavrov@gmail.com,

novnatalie@gmail.com

novnatalie@gmail.com

ДЛИННЫЕ ДВОРЫ, КУРДОНЕРЫ, ВНУТРЕННИЕ УЛИЦЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА — ОТВЕТ НА ЗАПРОСЫ «ВЫСШЕГО СРЕДНЕГО КЛАССА»

LONG YARDS, COURTS OF HONOR, INNER STREETS IN ST. PETERSBURG AS A RESPONSE TO THE REQUEST OF «UPPER MIDDLE CLASS»

Рассматриваются влияние «социального заказа» на типологию жилища, связь между архитектурой и финансированием жилищного строительства. Показано развитие застройки кварталов Санкт-Петербурга, которое привело к появлению двух определяющих морфотипов жилой среды — «лицевого» и «внутриквартального». Отмечается, что курдонеры конца XIX века являются распространением «лицевого» морфотипа на внутриквартальную территорию. Выделяются причины широкого распространения курдонеров в это время — рост спроса на высококласные квартиры, увеличение территории жилых комплексов и либерализация градостроительного законодательства. Подчеркивается решающее значение экономических факторов в стимулировании этого процесса. Показано, как эволюция жилых дворов привела к формированию развитой типологии курдонеров. Фиксируются формы связи курдонеров с открытой городской средой. Анализируется практика применения курдонеров в современных условиях и намечаются перспективы на будущее.

Ключевые слова: застройка Санкт-Петербурга, экономика землепользования, морфотипы жилой среды, квартал, курдонер.

The article considers the influence of the «social demand» for the typology of housing and scrutinizes the relationship between architecture and financing of housing construction. The development of residential quarters in St. Petersburg is shown, which has led to the emergence of two chief morphotypes of the living environment — the «facial» and the «intra quarter» ones. It is pointed out that the courts of honour (cour d'honneur) referring to the end of the XIX century may be regarded as the «facial» morphotype spreading to the intra quarter territory. The authors reveal the reasons of courts of honour emerging at that period, such as an increasing demand for high-class apartments, expansion of the residential complexes' territory and the liberalization of urban planning legislation. A crucial importance of economic factors in stimulating this process is emphasized. It is shown how the evolution of residential yards has led to the formation of the developed typology of courts of honour. The courts of honour's communication forms with an open urban environment are identified. Application practice of the courts of honour in the present conditions is analyzed and its future existence is predicated.

Keywords: urban development of St. Petersburg, land-utilization economy, living environment morphotypes, living quarter, court of honour.

Введение. В огромном море специальной и популярной литературы, посвященной архитектуре Санкт-Петербурга, лишь незначительная часть информации касается жилой ткани

города. В тени остается жилая застройка — неотъемлемая составляющая исторического наследия Санкт-Петербурга, которая занимает значительную часть территории городского ядра.

Удивительно, но программный документ «О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия», в котором весьма детально и обстоятельно описаны проблемы, связанные с охраной парадной стороны ансамблей исторического центра Санкт-Петербурга, лишь мимоходом затрагивает их оборотную сторону — жилую ткань: «Предметами охраны культурного наследия являются характер среды, включающий планировочный модуль кварталов и участков, масштаб, высотность и членение застройки» [1]. Между тем следовало бы подчеркнуть уникальность архитектурных характеристик сохранившейся жилой среды Петербурга, которая не имеет аналогов в европейских метрополиях и может служить наглядным свидетельством эволюции городской жизни, напоминать о развитии экономических и социальных процессов на протяжении трех столетий. Настоящая публикация является попыткой проанализировать особенности одного из характерных типов петербургских жилых домов, сформировавшегося к началу XX века, и выявить связь его архитектурных характеристик с эволюцией городской застройки на протяжении двух столетий.

Этап 1. Первичное развитие города. Как известно, одной из важнейших задач градостроительного развития Санкт-Петербурга с первых лет существования города было достижение высокого уровня представительности, что отвечало бы статусу столицы Российской империи. Отражением амбиций Петра I стали возводимые в ту пору гигантские постройки. На 112 метров поднялся шпиль Петропавловского собора (на 32 метра выше колокольни Ивана Великого), для него за огромные деньги были доставлены из Голландии соответствующих размеров часы. Административный комплекс Двенадцати коллегий на Васильевском острове протянулся на 400 метров, а соседний корпус Гостиного двора имел периметр в 740 метров. Эти уникальные сооружения соседствовали с одно-двухэтажными мазанковыми и деревянными домишками, с шалашами строителей — ресурсные ограничения начала XVIII века тормозили жилищное строительство. Город не был притягательным для жизни. Основную часть населения составляли солдаты и принудительно присылаемые сюда на поселение. Царь лично направлял градостроитель-

тельную деятельность. Рыночные законы проявлялись лишь локально, все принципиальные решения определялись прямым администрированием. Земельные участки — «наделы», а для некоторых категорий мастеровых и избы для жилья выделялись бесплатно. Обращают внимание огромные размеры разбиваемых в то время жилых кварталов (для Васильевского острова — 210×66 сажен (447,3×140,6 м)) [2]. Эти амбиции противоречили реальной ситуации, но ориентировались на будущие перспективы.

От петровских времен до наших дней сохранились лишь немногие гражданские постройки. «Петербург, оставленный Петром Великим, был слишком бедный и ничтожный городок, чтоб о нем можно было говорить, как о чем-то важном. Казалось, этому городку, обязанному своим насильственным существованием воле великого человека, не суждено было пережить своего строителя... Но здесь-то и является во всем блеске творческий гений Петра Великого: его планы, его предначертания должны были продолжаться вековечно», — писал В. Г. Белинский [3].

После смерти Петра I развитие города остановилось. Не слишком богатые землевладельцы не имели достаточно средств для освоения доставшихся им больших участков. Долгое время обширные внутриквартальные территории пустовали или использовались под сады и огороды, а прерывистая цепь жилых домов создавала лишь прозрачный контур вдоль красных линий. После пожаров, полыхнувших в 1736 и 1737 годах и практически опустошивших Адмиралтейскую часть, многое пришлось начинать сначала.

Этап 2. Реализация представительного образа «императорского Петербурга». В 1740-е годы наблюдается оживление Санкт-Петербурга. Сюда начинают прибывать на жительство люди из многих регионов России. Земля приобретает рыночную стоимость, растут объемы строительства. Указы Екатерины II конкретизируют завещанные Петром I установки градостроительного развития Санкт-Петербурга [4]:

- повышение репрезентативности облика столичного города, призванного демонстрировать Европе величие Российской империи;
- использование жесткой системы управления и контроля, в которой направляющая роль возлагалась на самодержца-государя;

- доминирование градостроительных и архитектурных решений, повышающих репрезентативность застройки (в частности характеризующихся большими размерами, в том числе крупногабаритных кварталов и земельных участков, предназначенных для городской застройки);

- обеспечение стабильности крупногабаритных земельных участков вместе с расположенными на них строениями путем использования юридических и экономических средств (запрет на их раздел и продажу по частям).

Появляется реальная экономическая база для повышения представительности жилой застройки. Наследники Петра I сохраняют за собой руководящую и направляющую роль в градостроительном процессе. Особое значение они придают облику зданий, возводимых по красным линиям кварталов и формирующих общественные пространства — улицы и площади. В 1765 году Екатерина II по представлению Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы приняла краеугольное решение: «Все дома, в одной улице состоящие, до самого ея пересечения в линию не выступая крыльцами в улицу одной сплошной фасадой и вышиной построены были». Кроме того, она сочла, что господствовавшая в Петербурге 1–3-этажная застройка уже не соответствует статусу столичного города, и предложила ориентироваться на высоту в 10 саженей (21,3 м) [5]. Эти постановления предопределили облик центральных улиц и площадей города. Здесь стала складываться представительная застройка «сплошной фасадой». По контуру кварталов возводились примыкавшие один к другому лицевые корпуса, проводилось выравнивание застройки центра по красной линии кварталов —

заполняли пустоты между корпусами, пытались подогнать друг к другу высоту построек. В итоге фасады домов сомкнулись между собой и их фронт — от одного перекрестка до другого — стал восприниматься единой стеной. Проявилось градостроительное наследие петровских времен — гигантские размеры кварталов, контуры которых были проведены на болотистых пустошах еще в 1720-е годы. Сложился характерный для Санкт-Петербурга морфотип лицевой застройки кварталов — непрерывный парадный фронт 3–5-этажных кирпичных зданий с искусно прорисованными фасадами. Административными регламентами стимулировалось использование всех ресурсов для расширения и украшения зданий по лицевой линии, поэтому рекомендовалось экстенсивное использование внутриквартальной части участков. Плотность застройки здесь была невысока, большую часть территории занимали сады, огороды, выгоны или пустыри. Постройки служебного назначения занимали лишь часть обширных дворов.

В период послепожарного восстановления амбициозные соображения побудили увеличить размеры участков, выделяемых под застройку: в 1724 г. характерные участки застройки, развивавшие концепцию Ж.-Б. Леблона, имели форму прямоугольников шириной 10,6; 17,0; 21,3 м и глубиной 50–70 м, а в 1737–1738 годах произошло по меньшей мере двукратное увеличение установленной площади (см. таблицу).

Этап 3. Строительная горячка первой половины XIX века. С начала 1800-х годов город растет невиданными темпами, за 25 лет его население удваивается. Динамика этого процесса превосходит показатели конца столетия, кото-

Размеры участков застройки в историческом центре Санкт-Петербурга в конце 1730-х годов

Местоположение	Габариты участков, выделяемых под освоение в полковых слободах, м		
	«для подлых» (рядовых)	для обер-офицеров	для штаб-офицеров
Адмиралтейская слобода	21,3×42,6	42,6×42,6	63,9×42,6
«Лейб-Гвардии» слободы	31,95×70,3	47×70,3	63,9×70,3
Ширина участков (длина лицевого фасада здания) для застройки «погорелых мест». Протяженность участка в глубину составляла полквартала, а на болотах, по набережным — равнялась глубине квартала			
1736 год	31,9	42,6	53,25
1738 год	21,3	31,95	42,6

Источник [6].

рое обычно оценивается как период наивысшего развития¹. Спрос на жилище многократно увеличивается, стоимость аренды подсакивает, доходное домовладение приносит огромные доходы. Разворачивается активное жилищное строительство, в том числе и на внутриквартальных территориях. В сборнике «Статистические сведения о Петербурге» за 1836 год было зафиксировано, что «городские дома или растут в вышину, или расширяются внутри своих дворов, которые от этого здесь большею частью тесны, не всегда доступны свежему воздуху и не вполне освещаемы»².

В 1844 году Николай I издал указ «Об ограничении постройки в С.-Петербурге высоких зданий и ограничении надстройки этажей на существующих зданиях»³, который не только радикальным образом повлиял на будущий архитектурный облик столицы, но полностью изменил направление строительной деятельности. Лицевые корпуса, где до того концентрировалась основная часть жилого фонда, потеряли доминирующую роль, внимание инвесторов переключилось на дворовую часть участков, на внутриквартальные территории. Акцент в градостроительном развитии Санкт-Петербурга переместился на доходные жилые дома.

С этого времени характер деятельности петербургских зодчих приобрел новое содержание. Заказчик требовал не только красивых фасадов, но и эффективного решения по застройке всего земельного участка. Все диктовал коммерческий расчет: нужно было разместить новые корпуса так, чтобы получить побольше полезной площади. В соответствии с требованиями инвесторов архитекторы стремились к максимальному выходу жилой площади, проявляя удивительную изобретательность в поисках высокоплотных форм застройки. На месте деревянных каретников и сараев, теплиц и огородов появлялись при-

званные приносить большой доход тесно стоящие жилые корпуса. Здесь эстетические предпочтения отступали на задний план, на «задних дворах» не тратились на декор фасадов, не интересовались прорисовкой пропорций, уменьшали высоту этажей. На обширных внутриквартальных территориях возник новый морфотип петербургской жилой застройки, рассчитанный на массу не слишком состоятельных квартиросъемщиков. Исследователи отмечают, что эволюция петербургской застройки привела к жесткому дифференцированию её составляющих частей: «представительной — уличной и закулисной — внутриквартальной» [7].

Сосуществование двух основных морфотипов жилой застройки Санкт-Петербурга конституировал Строительный устав, утвержденный в 1857 году. Он дифференцировал характер освоения внутриквартальной территории, разделяя габариты главного («парадного») и «задних» дворов. Тем самым было согласовано распространение на внутриквартальной территории жилой среды «второго сорта», санитарно-гигиенические показатели которой кардинально уступали качеству лицевых корпусов. В Строительном уставе говорилось: «Во всяком отдельном участке должен быть по крайней мере один двор, пространством не менее 30 кв. саж., причём наименьшая ширина его должна быть не менее 3-х саж., остальные дворы могут быть и менее 30 кв. саж., но должны сообщаться проездами не менее 4,5 арш. с улицей или другими дворами. Кроме обыкновенных дворов, дозволяется устраивать исключительно для освещения лестниц, коридоров, отхожих мест, чуланов и т. п. помещений световые дворики. Наименьший размер световых двориков, какой бы формы они ни были, должен быть таков, чтобы в его площадь можно было вписать квадрат в сажень». Разрешалось ставить многоэтажные каменные флигели на расстоянии двух сажен, т. е. 4,26 м друг от друга⁴. Тесные, плохо проветриваемые, полутемные дворы-колодцы стали характерной чертой многих кварталов Петербурга. Обычно во внутренних дворах инсоляцией обеспечивалась лишь часть комнат верхних этажей, а воздух был настолько плох, что окна или форточки предпо-

¹ Численность населения Санкт-Петербурга. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%82-%D0%9F%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%80-%D0%B3%D0%B0> (дата обращения: 02.05.2017).

² Доходные дома. URL: <https://mupiter.name/wiki/%D0%94%D0%BE%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B0/> (дата обращения: 07.04.2017).

³ «Полное собрание законов Российской империи. Царствование государя Николая Первого. 1844 год». URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=483®im=3 (дата обращения: 05.03.2017).

⁴ Доходные дома Петербурга — краткая история. URL: https://www.zemvopros.ru/page_11510.htm (дата обращения: 19.04.2017).

читали не открывать [8]. Впрочем, как отмечают, «ни экологические, ни гигиенические проблемы широкую публику не волновали: дискуссий не возникало» [9]. Очевидно, что для проживавших на «задних дворах» все определял размер арендной платы.

В современном искусствоведении сохраняется негативная оценка эстетических качеств внутриквартальной жилой среды подобного типа. Подчеркивается, что в ходе «доходной застройки мир за фасадами кварталов приобретал все более отчужденный, трагический характер, становясь нелюбимой изнанкой столичного ансамбля» [10].

Этап 4. Появление доходных домов «элитного типа». Исследователи отмечают, что в начале XX века в жилой застройке Петербурга стали проявляться принципиальные изменения: «пространство квартала впервые стало объектом целостного подхода, основанного на принципах красоты, логики, целесообразности, социального моделирования». В это время архитекторы направляли усилия на то, чтобы «интерьер» квартала получил смысловую и композиционную связь со зданием и улицей». Особое внимание уделяется достигнутому вкладу в художественный образ: «Появились здания, в которых внутренний двор приобретает особое смысловое значение, а пространственная композиция — черты целостного «интерьера» квартала, объединяющего закрытые и открытые пространства, уличный и дворовые фасады единой стилиевой темой, колористикой, образом» [11].

Предпосылки для этих изменений назревали с середины XIX столетия. В это время в Европе уже обращают внимание на ужасающее экологическое состояние крупнейших метрополий, разворачиваются работы по благоустройству и санитарному переоснащению Лондона, Парижа и Вены. В Санкт-Петербурге постепенно также начинает проявляться интерес к гигиене жилища, а свежий воздух и солнечный свет уже учитываются как показатель комфортности. Дает себя знать изменение спроса на жилье, растет доля горожан, которых никак не устраивают квартиры «на заднем дворе». Люди среднего сословия, офицеры, часть предпринимателей и даже представителей высшего общества заинтересованы в получении комфортабельного, но доступного

жилья. Ответом стало появление построек, которые можно обозначить современным понятием «дома элитного класса».

Домовладельцам, которые рассчитывали на рост доходов от аренды за счет привлечения состоятельных квартиросъемщиков, приходилось думать о повышении качества жилища. Требовались дополнительные затраты на строительство и даже некоторое снижение плотности застройки. Менялись задачи архитекторов, быстро появились варианты новых решений. В доходном домостроении тех лет можно выделить два направления:

А — повышение потенциала внутренних дворов (с развитием существовавших планировочных схем или за счет внедрения «длинных дворов»);

Б — раскрытие внутриквартального пространства к улице.

Вариант А.1 ограничивался сохранением традиционной для Санкт-Петербурга планировочной схемы с использованием ряда внутренних дворов, но предполагал некоторое увеличение их площади и улучшение декоративного оформления. Таков, например, дом «Торгово-промышленного товарищества Ф. Г. Бажанова и А. П. Чувадиной» на ул. Марата, 72 (арх. П. Ф. Алёшин, 1907–1909), показанный на рис. 1.

Вариант А.2 предлагал принципиальное изменение планировочной схемы дома — замену ряда небольших дворов одним протяженным центральным пространством, что приводило к появлению «длинных дворов». Примечательна реконструкция доходного дома З. Н. Юсуповой на наб. Фонтанки, 85, проведенная архитектором Л. В. Шмеллингом в 1902–1904 гг. Были пространственно объединены два существовавших двора, для чего сквозь разделявший их капитальный корпус был пробит широкий арочный проем высотой в четыре этажа (рис. 2). Это означало некоторую потерю жилой площади, но обогащало внутренние пространства дома, улучшало освещенность, инсоляцию и вентиляцию. В расчете на увеличение прибыли фасады насытили декором. Подводя итоги проделанной работы, архитектор обращал внимание на ожидаемый экономический эффект: «Надворные фасады обработаны тщательно и настолько богато,

Рис. 1. Дом «Торгово-промышленного товарищества Ф. Г. Бажанова и А. П. Чувалдиной» на ул. Марата, 72:
а — главный фасад; б — схема плана; в — вид заднего двора

что впечатление двора совершенно теряется, а потому и расценка квартир может быть сделана значительно дороже нормальной» [11].

Вариант Б главное значение придавал улучшению визуальной связи дворов с открытым пространством улицы. Это давало не только эмоционально-эстетический, но и коммерческий эффект: квартиры, из окон которых открывался вид на улицу, приносили домовладельцу дополнительный доход. Вместо утилитарных проездов

шириной порядка 3 метров архитекторы устраивали прозрачную арочную колоннаду (рис. 3, а и б), а в некоторых случаях — гигантские арки высотой в 3–4 этажа (рис. 3, в и г). Однако учитывался и композиционный потенциал принципа «сплошного фасада». Например, Ф. И. Лидваль считал важным поддерживать неразрывным лицевой строй квартала, поэтому ограничился полураскрытием дворовых пространств «Толстовско-

Рис. 2. Доходный дом З. Н. Юсуповой на наб. Фонтанки, 85:
а — главный фасад; б — схема плана; в — вид внутренних дворов

Рис. 3. Увеличение габаритов проемов, связывающих пространство двора и улицы: а — Лесной пр., 20 (арх. Ф. И. Лидваль, 1910–1911); б — Каменноостровский пр., 44а (арх. С. С. Кричинский, 1913–1914); в — Кирочная ул., 32–34 (арх. П. Ю. Сюзор, 1899–1900), з — наб. Черной реки, 51а (арх. М. Д. Розензон, 1902)

го дома» и его фасады прорезал группами из трех арок относительно небольшого размера.

Начало XX века породило новый планировочный тип доходного дома: «длинный двор» раскрылся в сторону улицы и появился «протяженный курдонер». Его появление обеспечила либерализация градостроительных нормативов, отвечающая интересам спекулятивного строительства. В это время законодатель уже не настаивал на жестком соблюдении традиционного для Петербурга правила застройки «сомкнутыми фасадами». Отказ от принципа застройки «сплошной фасадой», который полтора столетия определял образ петербургской застройки, открыл возможность применения курдонеров в доходном жилищном строительстве.

Их быстрому и широкому распространению способствовали экономические стимулы. Особый эффект курдонеров проявлялся при освоении под застройку больших участков, особенно протянувшихся вглубь кварталов. С середины XIX века в застройке центра города отмечается увеличение размеров сооружений: «...домовладелец скупал несколько соседних участков и, перестраивая и надстраивая старые здания, превращал их в единый крупный блок» [12]. Еще большие участки осваивались под застройку в районах, примыкающих к ядру города. Коммерческая составляющая была при этом решающей. В период с 1872 по 1909 годы цена земли в Санкт-Петербурге выросла в пять раз [13], поэтому самые крупные жилые комплексы появлялись там, где стоимость участков еще была приемлемой

(в частности, на Петроградской стороне, которая стала бурно развиваться после пуска Троицкого моста).

Внедрение курдонерных планировочных схем отвечало изменению спроса на жилище. С 1910 года проявили себя товарищества собственников квартир (ТСК). Такие товарищества объединяли людей со сходными социально-имущественным статусом и требованиями к жилищу, что принципиально отличало их постройки от сложившегося типа доходных домов, для которого был характерен резкий контраст в социально-имущественном статусе проживающих — комфортабельные господские квартиры лицевого корпуса соседствовали с дешевым жильем «второго сорта» на «задних дворах». Жилые комплексы ТСК были гомогенными — все квартиры должны были обеспечивать высокий уровень комфорта, хорошие санитарно-гигиенические качества и должную представительность, т. е. они были сопоставимы с благоустроенным «барским» жильем в лицевых корпусах доходных домов. Исходя из этих соображений, в комплексах ТСК использовались планировочные схемы, которые внедряли во внутриквартальную часть элементы городской уличной среды. В сфере архитектурно-строительной деятельности они полностью вписались в существовавшую систему — выступали как единое юридическое лицо, обладали немалыми капиталами, покупали большие земельные участки и строили крупные жилые здания.

Результатом деятельности Санкт-Петербургских товариществ собственников квартир являются такие известные постройки, как:

1910 — Большая Посадская улица, 1 / Малая Посадская улица, 10 — жилой дом Товарищества для устройства постоянных квартир, арх. А. И. Зазерский;

1912–1913 — набережная Карповки, 19а — жилой дом 2-го Петербургского товарищества для устройства постоянных квартир, арх. А. И. Зазерский;

1912–1914 — улица Некрасова, 58–60 / Греческий проспект, 10–12 / Фонтанная улица, 3 — жилой комплекс Бассейного товарищества собственников квартир, арх. А. И. Зазерский, Э. П. Виррих при участии А. Ф. Бубыря, Н. В. Васильева, В. Н. Пясецкого;

1913–1914 — Каменноостровский проспект, 73–75 — жилой дом 3-го Петроградского товарищества собственников квартир, арх. А. И. Зазерский, И. И. Яковлев;

1913–1916 — улица Комиссара Смирнова, 15 — жилой дом Выборгского товарищества для устройства постоянных квартир, арх. А. И. Зазерский, В. В. Старостин⁵.

Использование курдонеров рассматривалось как средство оправдать огромные затраты на приобретение участка. Они позволяли придать постройке солидность и увеличивали долю квартир с видом в сторону улицы, что означало рост квартплаты. В сочетании с солидной отделкой фасадов курдонерная планировочная схема позволяла рассчитывать на достойную прибыль.

Внедрение курдонеров в систему доходного домостроения на рубеже XIX и XX веков иногда трактуется как возврат к эстетическим традициям формирования «парадных дворов» в представительных аристократических дворцах. Л. Н. Бенуа, создавший такой двор на Моховой ул., 27–29 в 1897–1900 гг., обращал внимание именно на художественно-стилистические особенности постройки: «Я спроектировал большой *cir d'honneur*, слева поставил флигель в характере французской архитектуры (камень с кирпичом), а главное здание — в стиле французского ренессанса (сгоревшего дворца Тюильри). Ансамбль получился богатый и интересный» [14].

В Санкт-Петербурге курдонеры применялись и в XVIII – начале XIX веков, во времена барокко и классицизма, когда массовую жилую застройку размещали строго по красной линии кварталов, а исключение делалось только для резиденций самых высокопоставленных вельмож, особенно размещаемых на периферии. Тогда курдонеры были архитектурным средством, призванным подчеркнуть особый статус владельца дворца. В соответствии с этой задачей парадные дворы имели обычно относительно небольшую глубину и широко раскрывались к пространству улицы, чтобы лучше были видны роскошные фасады представительных построек (рис. 4).

Широкое распространение курдонеров в жилых домах начала XX века имеет под собой иную, весьма основательную прагматическую базу. В отличие от дворцовых «парадных дворов», курдонеры жилых комплексов являлись прежде всего утилитарным функционально-планировочным элементом. В наиболее распространенном варианте курдонер был тупиковой городской улицей на внутриквартальной территории. Поперечное сечение такого двора соответствовало габаритам улицы, что было достаточно экономно и обеспечивало соответствующее освещение прилегающих к проезду квартир.

На рис. 5 представлены два образца доходных домов этого типа, курдонеры которых полностью раскрыты в сторону открытого городского пространства. На рис. 5, б виден дом Г. К. Симонина на Загородном проспекте, 21–23. Его обращенный к магистрали главный внутренний двор воспринимается как продолжение Социалистической (ранее — Ивановской) улицы, замкнутой в глубине квартала на расстоянии примерно 100 метров поперечным жилым корпусом. Ориентированные на этот тупичок фасады ничем не отличаются от выходящих к Загородному проспекту. Небольшие замкнутые внутренние дворы (по 4 в каждом из боковых корпусов) изолированы от курдонера и для связи с ним имеют лишь по одному проезду с каждой стороны. Качество квартир, расположенных в этих дворах, сильно уступает прилегающим к курдонеру. Примерно так можно охарактеризовать и дом страхового общества «Россия» (рис. 5, а).

Больше комфорта предоставляли курдонеры с озелененными площадками, подобные город-

⁵ Зазерский А. И. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зазерский_Алексей_Иванович (дата обращения: 24.04.2017).

Рис. 4. Парадные дворы как часть аристократических резиденций: а — дворец Шереметьевых (1746–1750); б — Таврический дворец (1783–1789); в — Мраморный дворец (1768–1785)

ским скверам. Они обычно имели ограждения, обеспечивавшие некоторую приватность дворовой территории. Легкая прозрачная решетка ограничивает участок дома № 1 на Каменноостровском проспекте (Ф. И. Лидваль, 1898–1901). Элегантная колоннада из полированного гранита, установленная на границе курдонера, стала украшением дома № 26–28 на Каменноостровском проспекте. Монументальные пилоны с проходами для пешеходов стали локальным акцентом курдонера на ул. Литераторов, 19 (рис. 6).

Судя по тому, как быстро курдонеры распространились в застройке Санкт-Петербурга в начале XX века, можно полагать, что они по всем параметрам отвечали на запросы этого времени. История жилых домов «курдонерного типа» насчитывает всего несколько лет, но за это время

сложилась достаточно развитая типология такого планировочного решения. На рис. 7 представлены характерные варианты. Учитываются два типологически важных признака:

- планировка незастроенных пространств на внутриквартальной территории;
- характер примыкания курдонера к городской улице.

Если для домов-комплексов среднего размера характерны были курдонеры в виде сквера или тупиковой улицы, то для застройки больших участков появлялась необходимость в использовании более развитых систем.

Участок жилого дома на Лиговском пр., 44 (рис. 7, в) был очень большим, и разработавшим проект С. П. Голензовскому и И. А. Претро пришлось уделить его планировке соответствующее

Рис. 5. Максимальное раскрытие курдонеров к пространству улицы: а — дом 22 на ул. Правды (1914–1915, арх. А. А. Гимпель); б — дом 21–23 на Загородном проспекте (1900–1901, арх. Н. П. Басин)

Рис. 6. Курдонеры-скверы: а — ул. Литераторов, 19 (арх. А. И. Зазерский, 1912–1913); б — Каменноостровский пр., 26–28 (Л. Н. Бенуа, Ю. Н. Бенуа, А. Н. Бенуа при участии А. И. Гунста, 1911–1912)

внимание. Они использовали материалы проведенного конкурса и заимствовали предложенную М. С. Лялевицем и М. М. Перетятковичем схему внутренних улиц. Курдонер получил разветвления, разделившие объем жилого дома на пять независимых блоков — своеобразные мик-

роквартальчики. Проезды обеспечили их хорошую связь с улицей, что позволило перенести во внутреннюю часть квартала городскую общественную жизнь, разместить в жилых блоках рядом с квартирами разнообразные учреждения обслуживания, гостиницу, магазинчики. На Ли-

Рис. 7. Характерные решения курдонеров Санкт-Петербурга: а — линейная планировка с применением портала-арки по красной линии; б — линейная планировка, просвет курдонера полностью раскрыт к улице; в — разветвленный курдонер, просвет которого полностью раскрыт к улице

говском проспекте, 44 появился крупный многофункциональный жилой комплекс.

Застройку большого участка на углу ул. Некрасова и Греческого проспекта выделяет проходящий через него сквозной внутренний проезд. Его ширина превосходит 23 метра, что сопоставимо с улицей Зодчего Росси. Б. М. Кириков рассматривает такую планировку как систему из дух сомкнувшихся курдонеров и обращает внимание на опыт Москвы, где на улице Солянка в комплексе «Соляного двора» был устроен проезд Г-образных очертаний [11]. Однако нельзя исключать и петербургских влияний: еще в 1875 году при освоении большого земельного участка, принадлежавшего Н. И. Львовой и расположенного на берегу Обводного канала, использовали потенциал «внутренней улицы» и проложили Угловой переулок (рис. 8). Оказалось, что владельцы больших земельных участков готовы выделить часть территории для устройства коммуникаций, чтобы повысить потребительскую (и рыночную) ценность возводимых здесь жилых корпусов.

Жилые дома «курдонерного» типа использовались в застройке Санкт-Петербурга короткое время, но они достойны занять важное место в истории архитектуры и градостроительства нашего города. Их появление стимулировалось изменением спроса на жилье, повышением требований к качеству жилой среды. Этот тип жилища отвечал условию социальной однородности проживающих. Практика его использования показала перспективность внедрения открытых общественных пространств на внутриквартальную территорию.

Курдонеры начала XXI века. Современный социально-экономический заказ в сфере на жилье в Санкт-Петербурге подобен тому, что сложился к началу XX века. Механизмы квартирного рынка направляют внимание архитекторов к планировочным решениям, существовавшим в эпоху доходного домовладения. Линия градостроительного развития, прервавшаяся в 1917 году, стала возвращаться к прежним параметрам. При сооружении жилых комплексов бизнес-класса на периферии разросшегося цен-

Рис. 8. Устройство внутренних улиц на больших участках застройки в Санкт-Петербурге: а — комплекс доходных домов Н. И. Львовой на Угловом переулке (арх. Г. Б. Пранг, 1875–1876 гг.); б — комплекс Бассейного товарищества собственников квартир (арх. А. И. Зазерский, Э. П. Виррих и др., 1912–1914 гг.)

тра города стали использовать курдонерную схему, при этом адаптируя ее к реалиям нового века:

- предпочтительность многоэтажной застройки;

- усиливающаяся автомобилизация;
- ухудшение экологической обстановки.

Пионерным стал проект крупного комплекса, который в конце 1990-х годов решили разместить на Ланском шоссе, в зоне «свободной застройки», оставшейся в наследство от 1960–1970-х годов (рис. 9). Доминантами градостроительного ансамбля должны были стать новый жилой комплекс и бывший кинотеатр «Максим» (на рис. 9, б обозначен синей буквой М). Основой планировочной схемы комплекса стала система из двух больших дворов. В глубине квартала — центральный квадратный двор, площадь которого составляет почти 0,5 га (на схеме он обозначен желтым цветом). По периметру он обстроен жилыми корпусами, ступенчато повышающимися по мере углубления внутрь квартала, так что две доминирующие башни насчитывают по 25 этажей.

Обширное пространство главного двора широко раскрыто в сторону Ланского шоссе, где оно перетекает в большой курдонер. Проект был реализован к 2005 году, новый жилой комплекс с 1000 квартирами стал одним из крупнейших в Санкт-Петербурге. По своей емкости он сопоставим с домом на Каменноостровском пр., 26–28 (рис. 6, б) или с домом на Лиговском проспекте (рис. 7, в), но принципиально отличается от них

характером использования внутриквартального пространства. Планировка петербургских доходных домов начала XX века отражала доминирование прагматических установок — протяженный курдонер позволял решать коммерческие задачи. В отличие от этого, в конце XX века крупногабаритным дворам жилого комплекса на Ланском шоссе придали репрезентативный характер: торжественности придает симметрия пространственной композиции, а параметры протянувшегося вдоль проспекта открытого аван-двора позволяют сравнить его с парадным двором Таврического дворца (рис. 4, б).

Жесткие условия рыночной экономики быстро внесли свои изменения, и уже спустя десятилетие возобладал функционально-прагматический подход. О прежних амбициях не вспоминают. На рис. 10 показано принципиальное отличие ситуаций конца XX века (рис. 10, а) и начала XXI столетия (рис. 10, б, в, г). Габариты курдонеров и внутренних улиц, которые стали частью жилых комплексов в 2010-е годы, задаются исключительно функциональными и экономическими соображениями — они обеспечивают должную инсоляцию и освещенность прилегающих квартир, но не превышают расчетной нормы. Высота прилегающих зданий может достигать 9 этажей, а ширина внутриквартальных пространств сопоставима с традиционными петербургскими улицами XIX века, сформированными в период господства 5-этажной застройки.

Рис. 9. Жилой комплекс на Ланском шоссе, 14, к. 1 (арх. М. А. Мамошин и др., 1999–2005 гг.): а — общий вид; б — схема генплана

Рис. 10. Петербургские жилые комплексы с курдонерами или внутренними улицами: а — на Ланском шоссе, 14 (арх. М. А. Мамошин и др., 1999 г.); б — на Среднем пр. В.О., 85 (арх. А. Г. Шаров и др., 2008–2013 гг.); в — на территории бывшего Сталепрокатного завода (арх. А. Г. Шаров и др., 2012 г.); г — на Наличной ул., 26 (арх. А. Р. Шендерович и др., 2013 г.), фрагмент

Однако с тех пор прошло много лет, и характеристики жилой среды города изменились. Сто лет назад ценность квартиры повышалась, если ее окна выходили на улицу, а в современных условиях на оценку могут влиять негативные обстоятельства, связанные с напряженной урбанизацией Санкт-Петербурга. Сейчас автопарк города насчитывает 1 665 300 машин (из расчета на 1000 жителей — насыщенность больше московской)⁶. Уровень шума и загазованности на городских улицах постоянно возрастает, и они все меньше подходят для пешеходных прогулок. В этих условиях местом ежедневной рекреации («оазисами для пешеходов») могут стать внутриквартальные территории. Роль надлежащей защиты внутриквартальных пространств от негативного воздействия со стороны улиц возрастает. Не исключено, что в зонах примыкания жилых курдонеров к пространству городских магистралей могут потребоваться большеразмерные экранирующие устройства.

Заключение. Проведенный анализ показал, что эволюция жилой застройки Санкт-Петербурга была обусловлена постоянным изменением множества детерминант. Решающим для появления и быстрого развития жилых комплексов,

построенных с использованием курдонеров в конце XIX века, было:

- изменение социальной структуры населения, появление значительной группы «высшего среднего класса», предъявлявшей повышенные требования к функционально-потребительским и эстетическим качествам жилища и обеспечивавшей надлежащее его финансирование;
- отказ от эстетических установок, определявших градостроительные параметры застройки города с середины XVIII века и предусматривавших формирование непрерывного фасадного фронта по всей протяженности квартала;
- использование в градостроительной структуре города большеразмерных кварталов, позволяющих выделить под застройку крупногабаритных участков.

На перспективное развитие комплексов курдонерного типа может существенно влиять экологическое состояние городской среды, что ставит под сомнение эффективность широкого раскрытия внутриквартальных пространств в сторону шумных и загазованных магистралей.

Библиографический список

1. О Петербургской стратегии сохранения культурного наследия. URL: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_govcontrol/peterburgskaya-strategiya-sohraneniya-kulturnogo-naslediya (дата обращения: 10.02.2018).

⁶ Автомобилизация России пошла на спад в начале 2017 года. URL: <http://www.lgai.ru/autonews/518493-avtomobilizaciya-rossii-poshla-na-spad-v-nachale-2017-goda.html> (дата обращения: 22.09.2017).

2. Семенцов С. В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Ч. 1. Историческое развитие кварталов и их регламентация // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 2 (7). С. 15–20.

3. Белинский В. Петербург и Москва. URL: <http://iknigi.net/avtor-vissarion-belinskiy/49278-peterburg-i-moskva-vissarion-belinskiy.html> (дата обращения: 26.03.2017).

4. Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. Выдающиеся русские города XVIII и начала XIX века. Петербург. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000021/pic/img008.jpg> (дата обращения: 16.06.2018).

5. Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Улицы и набережные. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st039.shtml> (дата обращения: 12.06.2017).

6. Семенцов С. В. Этапы формирования пространственной среды Санкт-Петербурга. Ч. 2. Историческое развитие участков (системы разбивки и застройки участков) и их регламентация // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 3 (8). С. 21–26.

7. Кириков Б. М. Архитектура Петербурга конца XIX – начала XX века. Эклектика. Модерн. Неоклассицизм. СПб.: ИД «Коло», 2006. 448 с.

8. Юхнева Е. Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2007. 352 с.

9. Юхнева Е. Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения: на материалах Петербурга конца XIX века: дис. ... канд. ист. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/zhilishche-kak-element-bytovoi-kultury-gorodskogo-naseleniya-na-materialakh-peterburga-kontsa-ix-xx-veka> (дата обращения: 16.06.2017).

10. Козырева Е. И. Петербургский квартал: пространство и мир // Вестник СПбГУ. Серия 15. 2015. Вып. 3. С. 44–65.

11. Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. СПб.: «Журнал Нева», 2003. 512 с.

12. Пунин А. Л. Архитектурные памятники Петербурга. Вторая половина XIX века. Л.: Лениздат, 1981. 256 с.

13. Ружже В. Л. Генетический код и парадоксы развития Петербурга // Санкт-Петербург на рубеже XX и XXI веков. СПб.: НИЦ «Экоград», 1999. С. 89–130.

14. Лисовский В. Г. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. СПб.: ИД «Коло», 2006. 399 с.

heritage preservation]. Available at: http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_govcontrol/peterburgskaya-strategiya-sohraneniya-kulturnogo-naslediya (accessed: 10.02.2018).

2. Sementsov S. V. *Ehtapy formirovaniya prostranstvennoy sredy Sankt-Peterburga. Ch. 1. Istoricheskoe razvitie kvartalov i ikh reglamentatsiya* [Stages of formation of the spatial environment of St. Petersburg. Part 1. Historical development of neighborhoods and their regulation]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov – Bulletin of Civil Engineers*, 2006, no. 2 (7), pp.15–20.

3. Belinskiy V. *Peterburg i Moskva* [Petersburg and Moscow]. Available at: <http://iknigi.net/avtor-vissarion-belinskiy/49278-peterburg-i-moskva-vissarion-belinskiy.html> (accessed: 26.03.2017).

4. Bunin A. V., Savarenskaya T. F. *Vydayushchiesya russkie goroda XVIII i nachala XIX veka. Peterburg* [Outstanding Russian cities of the XVIII century and the beginning of the XIX century]. Available at: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000021/pic/img008.jpg> (accessed: 16.06.2018).

5. Bunin A. V., Savarenskaya T. F. *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. Ulitsy i naberezhnye* [History of town-planning art. Streets and embankments]. Available at: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st039.shtml> (accessed: 12.06.2017).

6. Sementsov S. V. *Ehtapy formirovaniya prostranstvennoy sredy Sankt-Peterburga. Ch. 2. Istoricheskoe razvitie uchastkov (sistemy razbivki i zastroyki uchastkov) i ikh reglamentatsiya* [Stages of formation of the spatial environment of St. Petersburg. Part 2. Historical development of land sites (the system of breakdown and building up of sites) and their regulation]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov – Bulletin of Civil Engineers*, 2006, no. 3 (8), pp. 21–26.

7. Kirikov B. M. *Arkhitektura Peterburga kontsa XIX – nachala XX veka. Ehklektika. Modern. Neoklassitsizm* [St. Petersburg Architecture of the late XIX – early XX century. Eclecticism. Art Nouveau. Neoclassicism]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2006, 448 p.

8. Yukhneva E. D. *Peterburgskie dokhodnye doma. Ocherki iz istorii byta* [Petersburg profitable apartment houses. Essays on the history of life]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007, 352 p.

9. Yukhneva E. D. *Zhilishche kak ehlement bytovoy kul'tury gorodskogo naseleniya: na materialakh Peterburga kontsa XIX veka. Diss. kand. ist.nauk* [Dwelling as an element of everyday culture of the urban population: the materials of St. Petersburg of the late XIX century. PhD in Sci. Hist. diss.]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/zhilishche-kak-element-bytovoi-kultury-gorodskogo-naseleniya-na-materialakh-peterburga-kontsa-ix-xx-veka> (accessed: 16.06.2017).

10. Kozyreva E. I. *Peterburgskiy kvartal: prostranstvo i mir* [Petersburg quarter: the space and the world]. *Vestnik*

References

1. *Peterburgskoy strategii sokhraneniya kul'turnogo naslediya* [About the strategy of St. Petersburg cultural

SPGU – *Bulletin of St. Petersburg State University*, Ser. 15, 2015, iss. 3, pp. 44–65.

11. Kirikov B. M. *Arkhitectura peterburgskogo moderna. Osobnyaki i dokhodnye doma* [The architecture of St. Petersburg Art Nouveau. Mansions and profitable apartment houses]. St. Petersburg, Zhurnal Neva Publ., 2003, 512 p.

12. Punin A. L. *Arkhitekturnye pamyatniki Peterburga. Vtoraya polovina XIX veka* [Architectural monuments of St. Petersburg. The second half of the XIX century]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1981, 256 p.

13. Ruzhze V. L. *Geneticheskiy kod i paradoksy razvitiya Peterburga* [Genetic code and the paradoxes of St. Petersburg development]. *Sankt-Peterburg na rubezhe XX i XXI vekov* [St. Petersburg at the turn of the XX and XXI centuries]. St. Petersburg, Ehkograd Publ., 1999, pp. 89–130.

14. Lisovskiy V. G. *Leontiy Benua i peterburgskaya shkola khudozhnikov-arkhitektorov* [Leonti Benois and St. Petersburg school of artists-architects]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2006, 399 p.